

Июль 1918 года в Ярославле

100 ЛЕТ СО ДНЯ ВОССТАНИЯ

Июль 1918 года в историческом календаре древнейшего русско-болгарского народа на Волге занимают особое место, десятилетиями вызывая живой и жгучий интерес и оставляя до сих пор повод для острейших историко-политологических дискуссий.

Июльское 1918 года антибольшевистское восстание в Ярославле – одно из самых ярких и самых мощных вооружённых выступлений против советской власти. Оно охватило целый губернский город в центральной России, расположенный в непосредственной близости от Москвы, что предопределило для большевистского режима смертельную опасность. И вместе с тем это было, пожалуй, самое драматическое событие в истории Ярославля XX века.

Прошло 90 лет после этой исторической попытки насильственного свержения большевистской власти и 15 лет после разрушения коммунистической тоталитарной системы, в центре Ярославля, в Демидовском сквере, примыкающем к Советской (бывшей Ильинской) площади по-прежнему выстраивается (отреставрированный в наши дни!) памятник, в котором начертаны слова о славной славе героям – борцам за Советскую власть, павшим во время подавления белогвардейского мятежа... Возникает вопрос: почему воздвигается монумент как зримое воплощение советского исторического мифотворчества?

Историко-советской закалкой старую-новую властвующую элитную касту по-прежнему убеждены, что июль 1918 года в Ярославле – это не народное восстание против нелегитимной большевистской власти, а путь к «белогвардейскому террору», а «белогвардейский мятеж» горстки офицеров-офицеров, организованный на деньги и с участием «англо-французских и американских империалистов». Между тем исторические источники свидетельствуют, что к лету 1918 года уже самые широкие слои российского общества не видели в больше-

вистском режиме истинно «народной власти». О настроениях в рабочей среде, от имени которой вершилось насилие, красноречиво свидетельствует декларация собрания уполномоченных фабрик и заводов, состоявшегося в марте 1918 года в Петрограде – колыбели октябрьского переворота.

«Мы, петроградские рабочие, в большинстве своём приняли переворот, совершённый от нашего имени и без нашего ведома и участия... Но прошло четыре месяца, и мы видим нашу веру жестоко посягнутой, наши надежды грубо растоптанными... Советы, не согласные с политикой правительства, бесцеремонно разгоняются... И не раз уже петроградские рабочие слышали из уст представителей новой власти угрозы пулемётами, испытывали расстрелы своих собраний и своих манифестаций. Нам обещали хлеб, а на деле дали небывалый голод... Под видом социализма нам дали окончательное разрушение промышленности и расстройство финансов. Нам дали царство взяточничества и спекуляции. Где свобода слова, собраний, союзов, печати, мирных манифестаций? Всё... раздавлено вооружённой рукой. Мы дожили до позора бессудных расстрелов... Мы требуем... постановления об отставке Совета народных комиссаров».

Подобные настроения имели широкое распространение и в Ярославской губернии. Они выражались и в открытых формах протеста, что убедило полковника Перхурова во время тайного посещения Ярославля в возможности успеха июльского восстания.

Элементарная логика убеждает в том, что без массовой поддержки со стороны образованной части общества и городских низов, примкнувших к восстанию с оружием в руках

Так выглядел Спасо-Преображенский монастырь после его обстрела красной артиллерией.

фото из архива Виктора ХРАПЕНЮКА

или с затаённой пассивностью обывателя, «сотне офицеров», собравшихся на Леонтьевском кладбище Ярославля в ночь на 6 июля, не удалось бы в один день свергнуть советскую власть, а затем в течение 16 дней удерживать город, находясь в огненном кольце регулярных войск с артиллерией и авиацией.

Восставшие прекратили сопротивление лишь под угрозой тотальной блокады и полного уничтожения города со всем его населением. Но вопреки всякой логике до сих пор утверждается, что в июле 1918 года в Ярославле состоялся «белогвардейский контрреволюционный мятеж», не имевший почвы в обществе и не получивший массовой поддержки.

Воспоминания активного участника тех событий полковника П. Ф. Злуницына, написанные в 1928 году и недавно опубликованные, в том числе в «Северном крае» (в номерах от 5, 6 и 9 июля 2002 г.), с особой достоверностью характеризуют истинные масштабы ярос-

лавского восстания и степень его поддержки населением.

По свидетельству П. Ф. Злуницына, в канун восстания в городе могло находиться несколько тысяч офицеров, вовлечённых в офицерскую организацию Б. Савинкова, и кроме того, «много офицеров», хотя и не вовлечённых в организацию, но всегда готовых «помочь делу восстания».

Злуницын воочию наблюдал в первые дни многотысячное скопление добровольцев у штаба восстания. «...Толпы народа всё шли и шли, – вспоминает он, – скапливаясь возле штаба, получали казённое оружие и обмундирование». «Недостатка в добровольцах не было, – утверждает автор воспоминаний, – ощущался лишь недостаток в опытных командирах». «По-видимому, не предполагали, что восстание будет таким громадным и не наметили подходящих начальников», – заключает П. Ф. Злуницын.

В рядах восставших помимо военных сражалось обыч-

ное городское население: гимназисты и студенты, служащие, приказчики, мастеровые, торговцы, как утверждает Злуницын. Поддержка восстания носила массовый, совершенно конкретный и добровольный характер, хотя существовала и мобилизация, обусловленная условиями военного положения. Различные источники свидетельствуют, что уже на второй день восстания число повстанцев в Ярославле насчитывало до шести тысяч человек. К тому же восстание поддерживали с оружием в руках от 6 до 30 тысяч (по разным источникам) крестьян ярославских волостей и уездов.

В последние 15 лет, особенно с выходом в 2007 году в Яковлевском международном фонде «Демократия» фундаментального сборника документов о ярославском восстании, подготовленного Е. А. Ермолиным и В. Н. Козляковым, произошло, наконец, концептуальное переосмысление взгляда на июльское 1918 года событие в Ярославле.

В настоящее время не приходится сомневаться, если не руководствоваться иллюзиями и ортодоксальными пристратиями, что ярославское восстание – именно восстание, а не мятеж – явилось крупнейшим вооружённым выступлением против советской власти в Центральной России.

В октябре 1992 года Александр Исаевич Солженицын в ответном письме руководителям органов региональной власти, пригласившим его на постоянное жительство в Ярославль, написал: «...Я глубоко чтю ваш город и за его славное историческое прошлое, и за его славное бесстрашное восстание 1918 года. Смелость и жертвы того ярославского восстания никогда не изглаживаются из русской памяти и, надеюсь, ещё укрепят и дух наших современников».

Так оценил место и значимость ярославского восстания в российской и ярославской истории самый глубокий исследователь России XX века.

Борис КОЛОДИЖ,
член Российского общества социологов.